

ЛИЗА СКОТТОЛИНЕ

ЛИЗА СКОТТОЛИНЕ

КАЖДЫЕ ПЯТНАДЦАТЬ
МИНУТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Coe)-44
С44

«EVERY FIFTEEN MINUTES»
by Lisa Scottoline

Серия «Мастера саспенса»

Перевод с английского *Марины Тогобецкой*

Печатается с разрешения Trident Media Group, LLC
и The Van Lear Agency, LLC.

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Скоттолине, Лиза.

С44   Каждые пятнадцать минут : роман / Скоттолине
Лиза; [пер. с англ. М.В. Тогобецкой] – Москва : АСТ,
2016. – 542 [2] с. – (Мастера саспенса).

ISBN 978-5-17-093189-7

Доктор Эрик Пэрриш — уважаемый врач-психиатр, заведующий одним из лучших психиатрических отделений страны, а еще он любящий отец семилетней Ханны. Но вся его жизнь переворачивается с ног на голову, когда у него появляется новый пациент. Максусемнадцать, и он страдает от обсессивно-компульсивного расстройства, которое заставляет его каждые пятнадцать минут совершать определенный ритуал, и навязчивых мыслей о девушке по имени Рене. Когда выясняется, что Рене убили, Макс исчезает. В попытках найти мальчика доктор Пэрриш сам подпадает под подозрение, а заодно отстраняется от работы за мнимое обвинение в сексуальном домогательстве... Случайное совпадение? Или кто-то решил целенаправленно разрушить жизнь Эрика?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093189-7

© 2015 by Smart Blonde, LLC
© Тогобецкая М., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Сэнди, с любовью и благодарностью

Невысказанные эмоции никогда не умирают. Они заживо погребены где-то в глубине сознания и когда-нибудь обязательно проявят себя в самой уродливой форме.

Зигмунд Фрейд

Глава 1

Я социопат.

Я выгляжу нормально — но так только кажется. Я умнее, лучше и свободнее любого из вас — потому что в отличие от вас меня не связывают никакие правила, условности, моральные принципы и законы.

Я могу «прочитать» вас мгновенно, присвоить вам порядковый номер и определить все ваши болевые точки, чтобы заставить вас делать то, что мне надо. На самом деле вы мне совсем не нравитесь, но я очень хорошо умею притворяться — настолько хорошо, что вы никогда не заметите, что я притворяюсь.

Я вас обману.

Я всех обманываю.

В одной статье было написано, что каждый двадцать четвертый человек — социопат. И если вы меня спросите, я скажу, что остальным двадцати трем стоит быть повнимательнее. Каждый двадцать четвертый — это почти четыре процента населения, это много социопатов.

Лиза Скоттолине

Анорексиков около трех процентов — и все только о них и говорят. Шизофреников вообще только один процент — но они собирают всю прессу. И никто не обращает особого внимания на социопатов — или, наоборот, все считают нас убийцами, что, конечно, не так уж и далеко от правды.

Не надо впадать из-за нас в паранойю. Нужно просто беспокоиться чуть больше, чем сейчас. Ваши ограниченные мамы все время беспокоятся — вот только не о том.

Потому что они не беспокоятся обо мне.

Обычный человек считает, что зло — это террористы, убийцы и кровавые диктаторы, а вовсе не «нормальные» люди вроде меня. Он не понимает, что зло может жить прямо на его улице, по соседству. Может работать в соседнем офисе. Может болтать с ним на форуме или читать газету, сидя напротив в вагоне поезда. Бежать по соседней дорожке в тренажерном зале. Или даже жениться на его дочери.

Мы есть. И мы охотимся на вас.

Вы наша добыча.

Мы просто выжидаем. Подстерегаем.

Однажды мне попался тест на социопатию — узнаете, неофициально, потому что только специально обученные профессионалы могут проводить и расшифровывать подобные тесты со сложными названиями. Мой вариант теста был из интернета. Первые два вопроса звучали примерно так:

1. Я считаю себя лучше других.

- не относится ко мне*
- относится ко мне частично*
- относится ко мне целиком и полностью*

Каждые пятнадцать минут

Второй вопрос:

2. *Я не буду сожалеть, если кого-то обвинят в том, что на самом деле сделал я.*

- не относится ко мне*
- относится ко мне частично*
- относится ко мне целиком и полностью*

Всего вопросов там было двадцать, а набрать можно было максимум сорок очков. Тридцать шесть моих баллов означают, что я с гордостью могу именовать себя почти стопроцентным социопатом.

Впрочем, мне не нужны никакие тесты, чтобы понимать, кто я есть.

Я и так это знаю.

И это никогда не было для меня секретом.

У меня нет никаких чувств: ни любви, ни ненависти, ни симпатий, ни антипатий, никаких этих «палец вверх» и «палец вниз» на «Фейсбуке». Хотя у меня на «Фейсбуке» есть аккаунт и заслуживающее уважение количество друзей.

Вот только важно ли мне это?

На самом деле я думаю, что это даже забавно — то, что они мои друзья. Потому что они же понятия не имеют, кто я. У меня вместо лица маска. Свои истинные мысли я прячу. В моих словах полно вежливости, обаяния и ложной искренности. Я могу казаться глупцом или умником — все зависит от того, что вы хотите услышать. И я всегда действую исключительно в собственных интересах.

Я вам не друг и не враг. Если у вас нет того, что мне нужно.

А если есть — я вам не враг. Я ваш ночной кошмар.

Лиза Скоттолине

Мне часто бывает скучно. Ненавижу ждать. Ожидание меня выматывает. Я сижу в этой комнате по несколько часов — даже видеоигры наскучивают. Одному богу известно, какой идиот сейчас сидит в онлайн и вместе с кучей других таких же прыщавых идиотов взрывает стены, проходит квесты, убивает драконов, проституток и нацистов — и все они играют какую-то роль.

Интересно, понимают ли создатели «Ворлд оф Варкрафт», что их игра — отличный практикум для социопатов.

Геймеры, с которыми я играю, выбирают себе имена типа Кобра-убийца, Меч Смерти или Руби-Круши, но я уверен, что все они школьники. Или студенты колледжа.

Если каждый двадцать четвертый — социопат, то я не единственный геймер, который пытался спалить дом.

Мой герой в игре носит имя Достойный Соперник.

Я каждый день играю роль в реальной жизни — поэтому я почти всегда выигрываю.

Я всегда на шаг впереди, а может быть — на два.

Я все планирую. Я тщательно готовлюсь — и когда наступает подходящий момент, наношу точный удар.

В конце концов я всегда побеждаю.

Никто никогда не заметит моего появления.

Потому что я уже здесь.

Глава 2

Доктор Эрик Пэрриш уже собирался уходить, когда его вызвали в приемное отделение. Чем ближе он подходил к приемному, тем сильнее сжимался у него желудок, а ведь он вот уже пять лет как был заведующим психиатрическим отделением в городской больнице Хэвмайер. Во время таких консультаций в приемном всегда была

Каждые пятнадцать минут

высока вероятность насилия, а в прошлом году в Дэлавере, в городской больнице какой-то психопат начал палить в местного психиатра и соцработника. Все закончилось весьма трагично: психиатр, который носил при себе оружие, открыл ответный огонь и убил пациента.

Эрик прошел по больничному коридору в сопровождении двух студентов-медиков из своего отделения — парня и девушки, они о чем-то болтали между собой. Он чувствовал, что должен защитить их в случае чего — и себя тоже, причем без оружия. После Дэлавера его работодатели из «Филахелс Партнершип» стали гиперосторожными и провели с ним детальный инструктаж, как вести себя в чрезвычайных обстоятельствах. Эрик никогда бы не принес оружие в больницу: он был врачом до мозга костей, а кроме того, у него были все основания подозревать, что стреляет он неважно.

Довольно неожиданно включились динамики, и из них полилась колыбельная. Это происходило всякий раз, когда в родильном отделении появлялся на свет ребенок, но Эрик при первых звуках мелодии поежился: он знал, что там, наверху, в его отделении, кое-кому сейчас очень плохо. Одна из его пациенток, молодая мать, впавшая в глубокую депрессию после появления на свет мертворожденного ребенка, всегда уходила в эмоциональный штопор, когда начинала звучать эта колыбельная. Эрик просил администрацию не транслировать колыбельную в его отделение, но они ответили, что менять акустическую систему — слишком дорогое удовольствие. Тогда он просил их отключить ее вовсе, но они отказались.

Звуки колыбельной отдавались болезненным эхом у него в ушах, напоминая о том, что он не в состоянии заставить больничных бюрократов прислушиваться к себе. Он понимал, что это лишь маленькая частичка большой

Лиза Скоттолине

проблемы, что к душевным страданиям относятся не так серьезно, как к физическим, и что он, Эрик, не в состоянии в одиночку ничего изменить.

А ведь он был живым доказательством того, что надежда остается всегда. Счастливым доказательством. Еще во время учебы в мединституте он страдал тревожным расстройством, но вовремя распознал симптомы и смог взять все под контроль. С тех пор он прошел курс психотерапии и даже смог отказаться от лекарств. У него больше не было симптомов. Он вылечился.

Он толкнул двойную дверь, ведущую в приемное отделение, битком набитое в этот пятничный вечер. Сестры в униформе сновали из палаты в палату, помощник врача катил компьютерный столик, а несколько одетых в черную форму санитаров беседовали о чем-то около пустых носилок с оранжевым подголовником, лежащих на больничной каталке.

Эрик направился прямо к посту медсестер, и светловолосая сестра отвернулась от монитора, с улыбкой взглянула на него и махнула рукой в сторону смотровой «Д». Все в больнице прекрасно знали, что означает большая красная «П», которая красовалась на его бейджике. Вообще-то «П» означало «правый» — крыло, где находились под охраной душевнобольные, но весь персонал считал, что «П» — это «психи». Эрик наизусть знал все эти шуточки: «Как отличить психиатра от его пациента в больнице? Очень просто — пациенты выздоравливают и уходят...» Он и сам мог пошутить, но никогда не шутил о душевнобольных детях. Такие шутки не казались ему смешными. Он жил среди них.

Студенты-медики смолкли, когда он открыл дверь смотровой — занавеска была откинута и хорошо была видна койка, на которой лежала его пациентка: симпа-

Каждые пятнадцать минут

тичная старушка в больничной пижаме, с коротко стриженными серебристо-седыми волосами, удобно расположившаяся на подушках. Рядом с ней сидел молодой человек, с взволнованным видом держа ее за руку. За его спиной стояла доктор Лори Фортунато — маленькая, кудрявая, в накрахмаленном белом халате, ее стетоскоп был щедро украшен наклейками в виде цветочков, чтобы порадовать пациентов из педиатрии. Они с Эриком подружились еще в институте и приятельствовали до сих пор, несмотря на то что она порой была невыносима.

— Привет, Лори, рад видеть тебя. — Эрик вошел в палату, за ним вошли студенты и встали вдоль стены, наблюдая за происходящим. Он мимоходом представил их.

— Эрик, я тоже рада, спасибо, что спустился! — Лори улыбнулась. Она была очень привлекательна с этими ее теплыми карими глазами, чуть длинноватым римским носом, пухлыми щечками и крупным ртом, который постоянно находился в движении — болтала ли она, обдумывала ли что-то или просто строила рожицы. Она не пользовалась косметикой, как и почти все женщины, работающие в госпитале, но в отличие от многих ее это отнюдь не портило. Свои кудрявые каштановые волосы она всегда собирала в пучок на затылке, используя для этого все, что попадалось под руку: карандаш, ручку или даже держатель для языка.

— Всегда пожалуйста. Чем могу помочь?

Лори махнула в сторону пациентки.

— Это Вирджиния Тихнер и ее внук Макс Якубовски.

— Меня зовут Эрик Пэрриш, приятно познакомиться с вами обоими. — Эрик сделал шаг к постели, и старушка взглянула на него со слабой улыбкой, взгляд ее карих глаз под нависшими веками был сознательным и внимательным — хороший знак. С виду она была вполне

Лиза Скоттолине

здоровой, но в вене у нее стояла капельница, а к пальцу крепился датчик монитора основных показателей жизнедеятельности. Эрик бросил взгляд на экран — все в полном порядке, даже отлично.

— О, только посмотрите на него, какой красавчик! — заявила миссис Тихнер довольно скрипуче и окинула Эрика кокетливым взглядом. — Можете называть меня Вирджинией. Или лапулей.

— Давайте побеседуем. — Эрик подтянул к себе круглый вращающийся стул и сел около ее кровати. Ему нравилось работать с пожилыми пациентами. Для начала надо было установить с ней контакт. Юмор обычно очень помогал, поэтому он улыбнулся ей:

— Если вы считаете меня красавчиком, у вас определенно очень острое зрение!

— Вот и нет, у меня дегенерация желтого пятна. — Миссис Тихнер подмигнула. — Или я просто выжила из ума.

Эрик рассмеялся.

Миссис Тихнер махнула рукой в сторону Лори:

— Доктор Пэрриш, а почему на вас нет белого халата, как на ней?

— Белый меня полнит.

Эрик не стал добавлять, что обычно психиатры в больнице не носят белых халатов, чтобы сократить дистанцию между собой и пациентом, поэтому на нем был голубая оксфордская рубашка без галстука, брюки цвета хаки и мягкие мокасины. Вообще-то его целью было выглядеть как симпатичный папаша из пригорода, но он подозревал, что скорее пока выглядит как парень из рекламы «Сиалиса»*.

— Ха! — миссис Тихнер хохотнула. — А вы забавный!

---

* Лекарство от эректильной дисфункции.

Каждые пятнадцать минут

Лори закатила глаза:

— Миссис Тихнер, прошу вас, не кокетничайте с ним!
У доктора Пэрриша и так достаточно поклонниц в этой больнице!

Глаза миссис Тихнер озорно блеснули.

— Вы просто ревнуете.

— Точно! — Эрик улыбнулся Лори. — Ревнуешь.

— Вряд ли! — фыркнула Лори.

Миссис Тихнер закудахтала:

— А теперь она смутилась!

— Бинго. — Эрик мысленно проводил ДПС — диагностику психического состояния. Он всегда так делал при первой встрече с пациентом, оценивая уровень сознания, поведение, речь и моторику, настроение и способность мыслить, тревожность, внимание, а также реакции пациента и способность его к общению. У миссис Тихнер со всем этим был полный порядок. Из чего Эрик сделал вывод, что ее психическое состояние эутимическое, или совершенно нормальное.

— Итак, чем же я могу вам помочь, Вирджиния?

— Эрик... — вмешалась Лори, и выражение ее лица сразу стало профессионально бесстрастным. — К сожалению, у миссис Тихнер хроническая сердечная недостаточность и последняя стадия рака легкого. Два месяца назад она обследовалась у нас наверху, провела три дня в кардиологии, а затем ее выписали домой, где она и получает паллиативное лечение.

Эрик слушал, стараясь не выдать своих эмоций — прогноз был самый что ни на есть неблагоприятный, а миссис Тихнер вызывала у него настоящую симпатию. Лори продолжала:

— Она снова приехала сюда ночью, потому что за ужином ей стало плохо, она начала задыхаться. Я сдела-